

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ВИД ИНТЕЛЛЕКТА¹

Д. В. Ушаков

Проблема социального интеллекта привлекает в последнее время все большее внимание исследователей. На это существует несколько причин. С одной стороны, социальный интеллект является чрезвычайно важным практическим качеством, причем с развитием исследований выясняются новые и совсем неочевидные области его применения. Так, известный американский психолог Р. Стернберг (Стернберг, Григоренко, 1997) развил так называемую «инвестиционную теорию креативности», согласно которой творческая личность отличается способностью инвестировать свои силы в идею, низко оцениваемую в данный момент в профессиональном сообществе, с тем чтобы потом, развив эту идею, придать ей высокий статус, «дорого продать». Конечно, переносить принцип «дешево купить, дорого продать» (buy low, sell high) на область творчества — очень американский подход, но все же Стернберг обращает внимание на весьма важный аспект: творчество сегодня в таких областях, как наука, включено в широкую сеть разделения труда, движение вперед оказывается все более коллективным, и ученый должен обладать социальным интеллектом наравне с предметным, чтобы успешно участвовать в этом коллективном движении. Способность продвинуть идею в социуме, по Стернбергу, оказывается почти столь же важной, как способность идею породить. Социальный интеллект выступает компонентом творчества в современном обществе.

С другой стороны, проблема социального интеллекта оказывается важной теоретически и даже философски. Увлечение информационным когнитивизмом в 60 — 80-х годы вывело на передний план «вычислительные», «компьютерообразные» модели мыслительного процесса. Проблемы эмоций (Тихомиров, 1980), интуиции (Пономарев, 1976), «недизъюнктивного» процесса (Брушлинский, 1979)

---

¹ Работа выполнена при поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований, грант № 02 — 06 — 80442.

оказались второстепенными для когнитивной психологии того периода. Постепенно, однако, границы применимости «твердого» когнитивизма обозначились очень ясно, и корифеи этого направления заговорили о совсем необычных для себя вещах: Х. Саймон и Д. Бродбент — об интуиции (Berry, Broadbent, 1995; Simon, 1987), Г. Бауер (Bower, 1981, 1992) — о репрезентации эмоций в семантической сети и т.д.

Социальный интеллект как раз и является такой проблемой, где взаимодействует когнитивное и аффективное. В сфере социального интеллекта вырабатывается подход, понимающий человека не просто как вычислительный механизм, а как когнитивно-эмоциональное существо.

К сожалению, однако, столь привлекательный объект продолжает оставаться трудноуловимым для теории. Казалось бы, достаточно объемлющая теория интеллекта должны была бы охватить и интеллект социальный, однако для большинства из этих теорий он оказывается на периферии изучения. В этой статье будет представлен взгляд на социальный интеллект с позиции структурно-динамической теории, разрабатываемой автором.

Механизмы и процессы социального интеллекта

Для начала возьмем какой-нибудь пример реальной ситуации, в которой необходимо использовать социальный интеллект. Допустим, некто говорит: «Иванов, конечно, не откажется от нашего приглашения: он недавно в городе, и ему необходимо завязывать знакомства.» Другой отвечает: «А я думаю, он откажется: он слишком дорожит своей независимостью».

Кто из высказавших мнение прав? Очевидно, что мы не можем ответить на этот вопрос, не зная Иванова. Каждый из собеседников обозначил определенный мотив ², могущий управлять поведением Иванова. Оба мотива выглядят правдоподобно. Но какой из них пересилит? Чтобы это предсказать, нужно как бы «взвесить» на внутренних весах свое ощущение значимости соответствующих мотивов для Иванова.

Это субъективное «взвешивание» представляет собой универсальный момент работы социального интеллекта, поскольку пове-

---

² Здесь и далее слово «мотив» используется вне контекста различных психологических подходов — от теории деятельности до бихевиоризма, — внутри которых оно приобретает весьма различный смысл.

дение людей всегда движется множеством мотивов. Более того, оно является в большой мере системообразующим фактором, из которого выводятся другие особенности социального интеллекта.

Континуальное и дискретное в мышлении

Специфичность субъективного «взвешивания» в контексте других интеллектуальных действий ясно предстает в контексте деления мышления на континуальное и дискретное. Наиболее резко эта дихотомия обозначилась на заре разработки вычислительных устройств, в которых наметилось две линии — цифровых, дискретных машин и аналоговых, континуальных. В ходе развития вычислительной техники на большинстве направлений победила первая линия, и сегодняшние персональные компьютеры основаны на множестве дискретных элементов, функционирующих по дискретному принципу — принимающих одно из двух возможных состояний.

Хотя в психологии мышления и интеллекта указанная дилемма не занимает столь значительного места, все же и там это разделение может быть прослежено, причем с тем же результатом — доминирующее место занимают дискретные подходы. На дискретном моделировании основаны практически все работы не только в рамках информационного подхода, но и в других направлениях, таких как, например, пиажеанство и неоструктурализм. Континуальный аспект подчеркивается, пожалуй, лишь коннекционизмом и исследователями школы С.А. Рубинштейна.

Субъективное «взвешивание», характеризующее социальный интеллект, относится к сфере континуальных процессов. Оценивая, примет ли приглашение Иванов, мы приписываем различные веса мотивам, руководящим его поведением. Континуальные процессы в современной психологии в большей степени рассматриваются как присущие сфере восприятия, а не мышления и интеллекта. Они обладают по сравнению с дискретными целым рядом особенностей, накладывающих отпечаток на социальный интеллект.

Социальный интеллект и язык

Одним из следствий континуального характера процессов социального интеллекта является своеобразие их отношения к речи и вербализации. Язык ведет в сферу дискретного, он разбивает

действительность на элементы и создает структуры, включающие эти элементы. Момент континуального присутствует в языке, но в остаточной форме³. В связи с этим передача рассуждений социального интеллекта в речи оказывается весьма ограниченной.

В работе С.С. Беловой, которая впервые публикуется в этой книге, получены результаты, непосредственно относящиеся к этой проблеме. В работе показано, что социальный интеллект в зависимости от установки субъекта может работать в разных режимах. В режиме «познавательной» установки человек оценивает особенности других людей, не прибегая к вербальному описанию причин этой оценки. В режиме «вербализирующей» установки, когда перед испытуемым ставится задача объяснения причин оценки, точность оценки снижается.

В этой работе, помимо прочих, достаточно неожиданных находок, было обнаружено, что вербализация ухудшает функционирование социального интеллекта, который в этом конкретном случае определялся как способность оценить интеллект ребенка по короткому фрагменту видеозаписи. После формулировки признаков, по которым взрослые испытуемые определяли интеллект детей, точность оценки ухудшилась. Результат выглядит достаточно парадоксальным: происходит что-то почти противоположное тому, что должно случиться при поэтапном формировании — проговаривание правил оценки ухудшает оценку. По-видимому, причина лежит в том, что действительные критерии, которые определяют успех оценивания, не вербализуются испытуемыми. При оценивании люди используют некоторый набор критериев, который ими не осознается. При вербализации они называют другие критерии, которые после этого действительно начинают использовать для оценки, что ухудшает ее точность.

Справедливость такого объяснения подтверждает еще один факт, обнаруженный С.С. Беловой. Множественный регрессионный анализ показывает, что оценки испытуемых больше связаны с вербализуемыми критериями оценки в условиях вербализации по сравнению с условиями ее отсутствия.

Результаты С.С. Беловой говорят об интуитивном характере оценивания такого качества другого человека, как интеллект, если под интуитивным понимать процесс познания, который приводит к результату без понимания того, как он к нему привел. Попытка

---

³ Так, слова «большо-о-о-ой», «большо-ой» и «большой» континуальным образом передают оттенки размера. Континуально передается также смысл интонационными аспектами речи.

рефлексии этого процесса не приводит к успеху, создавая искаженную картину. Деятельность, построенная на рефлексии, парадоксальным образом оказывается менее эффективной, чем неотреликсированная.

Социальный интеллект и имплицитное научение

Р. Стернберг выдвинул участие неявного знания и имплицитное научение как демаркационный критерий между академическим и практическим интеллектом. Знания, используемые академическим интеллектом (*book smart*), получены в результате специально организованного процесса обучения, развернутых текстов и т.д. В основе практического интеллекта (*street smart*), согласно Р. Стернбергу, лежит неявное знание, возникающее из практики реального взаимодействия человека с миром.

Правда, при более глубоком анализе обсуждаемое деление оказывается более проблематичным. В наиболее академических видах деятельности, без сомнения, присутствует имплицитное научение, «обучение через действие» (*learning by doing*).

С предлагаемой здесь позиции имплицитное научение также выдвигается на передний план, но по несколько иным основаниям. Континуальные процессы, плохо выражаемые языком, в результате этого обстоятельства являются плохим объектом для эксплицитного научения на основании освоения текстов. Источником их развития составляет опыт живого взаимодействия с людьми. Недаром психологические занятия по развитию навыков общения часто проходят в виде не лекций, а тренингов.

Социальный интеллект и внутренний опыт человека

Перечисленные выше особенности являются характерными для социального интеллекта, однако они могут быть свойственны и другим видам интеллекта, направленным на сложные объекты, в которых взаимодействуют и конкурируют различные цепочки детерминации. Примером может служить клиническое медицинское мышление в той мере, в какой одинаковые заболевания проявляются в разных симптомах, а различные могут иметь сходные проявления. Характерно, что работы над экспертными системами в области медицины показывают, что опытные врачи сами не очень хорошо осознают, как они ставят диагноз.

В социальном интеллекте, однако, присутствует момент, кардинальным образом отличающий его от всех других видов интеллекта. Этот момент заключается в возможности обращения к внутреннему опыту. Для того чтобы показать роль внутреннего опыта в социальном интеллекте, начнем с проблемы, которую условно назовем Гамлетовской. Вот цитата из шекспировской трагедии:

Гамлет

Не сыграете ли вы на этой дудке?

Гильденстерн

Мой принц, я не умею...

Гамлет

Вот видите, что за негодную вещь вы из меня делаете? На мне вы готовы играть; вам кажется, что мои лады вы знаете; вы хотели бы исторгнуть сердце моей тайны; вы хотели бы испытать от самой низкой моей ноты до самой вершины моего звука; а вот в этом маленьком снаряде — много музыки, отличный голос; однако вы не сделаете так, чтобы он заговорил. Черт возьми, или, по-вашему, на мне легче играть, чем на дудке?

Гильденстерну, правда, не удалось сыграть на Гамлете. Зато Гамлету удалось сыграть на Гильденстерне. И сколько других случаев игры одного человека на другом нам приходится наблюдать в жизни. Если сравнить то, насколько естественно мы понимаем поведение других людей и как трудно в то же время нам порой бывает разобраться в простых механических устройствах, невольно возникает удивление от мощи социального интеллекта в сравнении с предметным. При том, как ограничен предметный интеллект, совершенно непонятно, почему нам удастся понять поведение героев Достоевского, Пруста или Камю. Сложность поведения механического устройства и человека несоизмерима. Кому, как не нам, психологам, знать, что наука, которой ничего не стоит объяснить функционирование замка, даже близко не подошла к объяснению действий Ставрогина или Свана. Однако непосредственно понять людей нам каким-то образом удается.

Представляется, что подход к решению «Гамлетовского парадокса» можно найти в следующей гипотезе: социальный интеллект не мог бы успешно функционировать, если бы он не использовал наш внутренний опыт и не строил бы на нем свои репрезентации. Другими словами, мы вряд ли могли бы понять поведение столь сложных существ, какими являются люди, если бы сами не были людьми. Наличие внутреннего опыта, опыта наших желаний, по-

требностей, фантазий, которые, может быть, никогда не проявились в поведении, является огромным ресурсом, увеличивающим кругозор социального интеллекта. Однако мы не просто пользуемся прошлым опытом внутренней жизни. Мы можем мысленно поставить себя на место другого человека и непосредственно испытать его переживания, представить, что он будет желать, от чего страдать и к чему стремиться. По-видимому, именно таким образом мы проникаем во внутренний мир Свана и Ставрогина даже в том случае, если не имеем ничего подобного в нашем собственном опыте.

Итак, социальный интеллект обладает рядом характерных структурных особенностей:

- континуальным характером;
- использованием невербальной репрезентации;
- потерей точности социального оценивания при вербализации;
- формированием в процессе имплицитного научения;
- использованием «внутреннего» опыта.

Лишь последнее полностью отличает социальный интеллект от всех других видов интеллекта.

Интеллект ли социальный интеллект?

Вероятно, главный вопрос, который возникает у человека, изучающего положение дел в сфере исследования социального интеллекта: а является ли в действительности социальный интеллект видом интеллекта? Такое сомнение порождается тем, что большинство общих теорий интеллекта смотрят на социальный интеллект с подозрением и опаской. Все более или менее объемлющие теории интеллекта рассматривают интеллект вербальный и невербальный, числовой и пространственный, текучий и кристаллизованный. Социальный же интеллект остается на периферии рассмотрения, удастаясь весьма робких суждений теоретиков. В самом деле, объект оказывается достаточно странным — не вполне ясным в плане измерения, не очень хорошо коррелирующим с общим интеллектом, а кроме того, обнаруживающим такие связи с личностью, что возникает подозрение — может быть, это вовсе не интеллект, а какое-то особое личностное свойство, состоящее в способности взаимодействовать с другими личностями? Это подозрение становится почти уверенностью, когда социальный интеллект определяется как способность не просто понимать людей и ситуации их взаимодействия, но и управлять ими или адаптироваться к ним. Другими

словами, в определение социального интеллекта вводится не просто познавательный, когнитивный аспект, как в случае любого другого вида интеллекта, но и аспект поведенческий, влияние на среду. Если несколько преувеличить, это как если бы мы в определение пространственного интеллекта ввели способность не только понимать пространственные отношения предметов, но и изменять их форму и размеры.

Все же позиция, которая отстаивается в этой работе, состоит в том, что социальный интеллект является видом интеллекта, хотя и достаточно своеобразным. Будет показано, что на социальный интеллект могут быть распространены те закономерности, которые обнаруживаются в сфере общего интеллекта. При этом определение социального интеллекта должно быть также ограничено: умение взаимодействовать с людьми отнюдь не сводится к умению их понимать, подобно тому, как умение рубить дрова не сводится к пониманию их пространственной конфигурации (пространственному интеллекту), а требует еще сенсомоторной координации, мышечной силы и еще много других способностей и навыков. Социальный интеллект, если мы понимаем его как интеллект, — это способность к познанию социальных явлений, которая составляет лишь один из компонентов социальных умений и компетентности, а не исчерпывает их. Тогда социальный интеллект становится в один ряд с другими видами интеллекта, образуя вместе с ними способность к высшему виду познавательной деятельности — обобщенной и опосредованной.

Социальный интеллект среди других видов интеллекта

Проблема видов интеллекта зарождается в рамках факторных теорий интеллекта. Эти теории, как известно, делятся на две основные группы — однофакторные и многофакторные.

Согласно однофакторным теориям, в основе всех видов интеллекта лежит одна общая способность. На роль этой способности может претендовать, например, внимание или объем рабочей памяти. Многофакторные теории предполагают, что интеллект складывается из нескольких независимых способностей, например вербальной, пространственной и числовой или флюидной и кристаллизованной и т.д.

После многолетнего соперничества однофакторного и многофакторного подходов стало ясно, что ни один из них по отдельности не способен объяснить накопившиеся факты. Наиболее жиз-

нестойкими оказались гибридные идеи. Согласно одной из таких идей, интеллект складывается из общей способности и ряда специальных. До сих пор, однако, не существует единой точки зрения на структуру способностей, на которой бы сошлись исследователи в этой области.

К сожалению, место социального интеллекта в структуре способностей остается неясным в большинстве теорий. В чем причины такой дискриминации социального интеллекта? Увы, они вполне обоснованы. Если тесты интеллекта можно считать образцом психометрической надежности, то измерение социального интеллекта довольно проблематично. Корреляции различных видов интеллекта между собой (например, вербального и пространственного) довольно высоки, социальный же интеллект коррелирует с общим в среднем где-то на уровне 0,3. Общий интеллект практически не обнаруживает корреляционных связей с личностными чертами, а для социального такие связи оказываются весьма характерными, как это видно из публикуемой ниже работы Д.В. Люсина.

Общие теории интеллекта в настоящее время не могут объяснить столь необычное поведение социального интеллекта, кроме как отнести его на счет погрешностей измерения. В самом деле, измерительные процедуры для социального интеллекта не отличаются совершенством в том смысле, что в большинстве исследований не дают единого фактора, отличного от фактора вербального интеллекта. Если же измерительные процедуры несовершенны, то они не будут давать высоких корреляций с общим фактором и могут оказаться зашумлены другими переменными, в частности личностными. В рамках этой точки зрения можно различить два варианта. Первый состоит в отрицании социального интеллекта как самостоятельного образования и сведении его к вербальному интеллекту, примененному к определенному контексту, где большую роль играют личностные качества. Второй не отрицает социальный интеллект как конструкт, а лишь критикует существующие на сегодняшний день методы его измерения как неадекватные.

Понятно, что при такой неясной ситуации редкий теоретик решится на придание социальному интеллекту статуса одного из установленных видов интеллекта. На это пошел лишь такой своеобразный исследователь, как Х. Гарднер, который в своей теории множественного интеллекта выделил среди прочих внутриличностный и межличностный интеллект.

Своеобразие Гарднера заключается в его удивительном безразличии к сциентистским формам доказательства, вызывающего гнев людей, посвятивших свою жизнь научно-исследовательской работе,

целом можно предложить три варианта объяснения природы социального интеллекта как способности понимать людей и социальные ситуации.

1. Социальный интеллект представляет собой особую способность, отличную от таких известных видов интеллекта, как вербальный, пространственный, математический и т.д., однако имеет с ними корреляционную связь. Достоинством этого подхода является его логичность: социальный интеллект — это вид познания, логично, что он находится в ряду других видов интеллектуального познания, отличающихся друг от друга спецификой своего объекта. В то же время этот подход не позволяет объяснить специфические черты социального интеллекта, которые отмечались выше: невысокую нагрузку по фактору общего интеллекта, корреляцию с личностными чертами.
2. Социальный интеллект представляет собой не столько способность, сколько знания, умения или навыки, приобретенные в течение жизни. Действительно, в социальном интеллекте, как его измеряют современные тесты, прослеживаются в значительной степени черты знания, умения и навыка. Тесты общего интеллекта построены как тесты способностей — в них сведен к минимуму компонент знания. Если для решения задач из области, например, математики или физики необходимо располагать хотя бы минимальными знаниями этих областей, то для выполнения тестов интеллекта, построенных на материале абстрактных фигур, этого не требуется. С тестами социального интеллекта положение иное: там очень трудно построить задания, которые не апеллировали бы к знаниям людей и социальных ситуаций и умениям их разрешать. Получается, что тесты социального интеллекта в плане необходимых для их решения знаний подобны не столько тестам способностей, сколько тестам достижений, в данном случае — достижений в плане познания людей и социальных ситуаций. Из этого вытекает точка зрения: социальный интеллект — это скорее компетентность в сфере социального познания, чем специальная способность. Все же такая точка зрения не учитывает того факта, что приобретение любой компетентности предполагает способность. Ассимилировать это возражение можно, если предположить, что социальный интеллект как компетентность развивается на базе известной способности, например, вербального интеллекта через приобретение опыта. Все же с этой точки зрения продолжает оставаться непонятной как невысокая корреляция социального интеллекта с общим, так и его связи с личностными чертами.

3. Социальный интеллект — личностная черта, определяющая успешность социального взаимодействия. Такой подход — естественная реакция на относительно низкие корреляции социального интеллекта с другими видами интеллекта и относительно высокие — с личностными свойствами. Как можно понять утверждение, что социальный интеллект — личностная черта? В определенном смысле слова любой интеллект — это черта личности в той степени, в которой под чертой личности понимаются особенности, отличающие поведение человека. Однако в отличие от личностных и темпераментальных черт в собственном смысле, интеллект характеризует когнитивные особенности человека, его способность к познанию, созданию более или менее адекватного представления об окружающем мире. Эти особенности не относятся к эмоциям, направленности и т.п., что мы обычно связываем с термином «личность». Охарактеризовать социальный интеллект как личностную черту означает в этом смысле признать, что наше мнение о других людях — результат скорее наших собственных эмоциональных особенностей, а не познавательного процесса, стремящегося к объективности, т.е. ориентации на объект суждения. Здесь ощущается некоторый методологический релятивизм, сведение социального познания к мнению, зависящему от наших эмоциональных свойств. Конечно, мы можем, например, предположить вслед за распространенным мнением, что люди судят о других по себе и что, следовательно, добрые люди склонны скорее приписывать другим мотивы добра, жадные — жадности и т.д. Однако если продолжить это рассуждение слишком далеко, как это происходит в случае признания социального интеллекта личностной чертой, и дойти до утверждения, что суждения о других людях целиком определены особенностями судящего, то мы неизбежно окажемся на позиции релятивизма со всеми ее последствиями вплоть до признания относительным мнения самого человека, стоящего на позиции релятивизма. В то же время уже сами процедуры выявления социального интеллекта операционализируют его как познавательную способность. Если социальный интеллект измеряется с помощью решения задач, то там уже содержится деление ответов на более или менее адекватные. Опросники же социального интеллекта стремятся к выявлению того, насколько высоко человек оценивает свое умение понимать других людей и воздействовать на них. Факт заключается в том, что личностные особенности влияют

на наши суждения о других людях, но сведение социального интеллекта к личностным свойствам является следствием не этого факта, а его чересчур сильной интерпретации. Возможны и другие интерпретации, например, можно предположить, что суждение о других людях становится более объективным, т.е. независимым от судящего субъекта в том случае, когда его познавательная способность достаточно велика, — при высоком социальном интеллекте. При низком же его уровне суждения оказываются в плену субъективности, зависящей от личностных черт. Это предположение допускает эмпирическую проверку. Однако существующие данные о связи социального интеллекта с личностью, если их проанализировать чуть конкретнее, по-видимому, свидетельствуют о другом. Речь идет о том, что некоторые личностные черты, такие, как экстраверсия, ассоциируются с высоким социальным интеллектом, а другие (например, нейротизм) — с низким. Объяснение в рамках модели подобия проходило бы, если бы было показано нечто другое, например, что экстраверты хорошо понимают экстравертов, но плохо — интровертов. Социальный интеллект — это познавательная способность, которая, однако, в отличие от других познавательных способностей, оказывается сцепленной с личностными чертами, что требует специального объяснения.

Структурно-динамическая теория

Подход к социальному интеллекту, предлагаемый здесь, основывается на структурно-динамической теории интеллекта (Ушаков, 2002, 2003). В рамках этой теории пересмотру подвергаются традиционные факторные теории структуры интеллекта, предполагающие общий фактор и набор специальных.

Основная идея структурно-динамической теории заключается в том, что структура интеллекта человека не представляет собой инварианта, а является результатом сил, действующих на формирование интеллекта на протяжении всего жизненного пути человека. В обоснование приводится система доказательств: нестабильность факторной структуры интеллекта; отрицательные корреляции, наблюдаемые в некоторых случаях между различными интеллектуальными показателями; более высокие психометрические показатели многошкальных тестов по сравнению с одношкальными; наличие корреляции с общим фактором у заданий, не коррелирующих меж-

ду собой; повышение корреляций у задания с общим фактором по мере тренировки и т.д. Кроме того, теория позволяет подойти к объяснению таких феноменов, как изменение корреляций между показателями психологических тестов на протяжении жизненного пути и, возможно, самое неожиданное — психогенетических данных.

Более подробно структурно-динамическая теория изложена в других работах автора (Ушаков, 2002, 2003). Здесь, однако, необходимо остановиться на нескольких ее основных понятиях. По мнению традиционных теорий, структура интеллекта определяется пересечением когнитивных функций. Если в выполнении каких-либо деятельности присутствует общий компонент, то успешность выполнения этих деятельности будет коррелировать. В этом плане общий фактор интеллекта свидетельствует о том, что существует такой когнитивный компонент, который присутствует в любой мыслительной деятельности. Наличие специальных факторов говорит о работе механизмов среднего уровня, которые не обязательны для любой мыслительной деятельности, но присутствуют в их части.

Структурно-динамическая теория принимает пересечение когнитивных функций как фактор структуры интеллекта, но лишь как один из факторов. Важным понятием является потенциал формирования. Он ответственен за генеральный фактор. Пересечение когнитивных функций ответственно за специальные факторы. В самом деле попытки сведения генерального фактора к одному специальному когнитивному механизму, будь то внимание в духе Спирмена или рабочая память Киллонена, особого успеха не имели.

Наконец, структура интеллекта, согласно структурно-динамической теории, определяется средовым фактором. Этот фактор приводит к флуктуации структуры интеллекта от исследования к исследованию.

Социальный интеллект не являлся исходным объектом структурно-динамической теории, однако как одна из разновидностей интеллекта он получает в ней свою интерпретацию. К нему могут быть применены понятия потенциала формирования, когнитивного пересечения функций и средового распределения. Если допустить, что социальный интеллект пользуется тем же потенциалом формирования, что и другие виды интеллекта, можно вывести ряд любопытных следствий, допускающих эмпирическую проверку.

При равномерном распределении потенциала формирования на выборке, проходящей тестирование, можно ожидать достаточно высоких положительных корреляций социального и других видов интеллекта. Собственно подобные результаты и получаются в большинстве исследований: фактор социального интеллекта часто неотличим от фактора общего интеллекта.

Однако возможен и другой случай: потенциал в выборке в разных областях распределен очень неравномерно. В этом случае структурно-динамическая теория предсказывает падение корреляций вплоть до отрицательных значений. Что может представлять собой выборка с таким неравномерным распределением потенциала? Примером может быть группа, образованная смешением подростков, которые живут активной социальной жизнью, с их сверстниками, поглощенными абстрактной наукой.

Подтверждением подобной позиции являются наши сведения о судьбах вундеркиндов. Многие из них, специализировавшиеся в разных областях, как шахматист Гарри Каспаров или математик Норберт Винер, жаловались в автобиографических заметках на одинокое детство и отсутствие социальных навыков в ранней молодости. Так, Н. Винер писал: «Необычно усложненный курс обучения, который я проходил дома, естественно, превращал меня в отшельника и развивал то наивное отношение ко всем вопросам, не связанным с наукой, которое невольно вызывало у окружающих чувство раздражения и антипатии.... Из-за постоянного одиночества... из меня получился нелюдимый и неуклюжий подросток с неустойчивой психикой». (Винер, 1967, с. 11) Показательно, что Винер жалуется здесь не на склад ума, а на особенности воспитания, которые привели к его отчуждению от общества.

К сходным результатам привело исследование, проведенное нами на более чем 800 одаренных подростках, участниках финального тура Московского интеллектуального марафона многопрофильной олимпиады для школьников. В группе детей с высоким интеллектом у мальчиков 10-х и 11-х классов обнаружены значимые положительные корреляции математических достижений на марафоне со шкалой одиночества нашего опросника (0,42* и 0,3* соответственно). Таким образом, источником личностных проблем оказывается не интеллект как таковой, а большие вложения в академические занятия.

Все вместе взятое приводит нас к ясному заключению: сам по себе высокий интеллект выступает скорее положительным фактором адаптации. Однако в том случае, если интеллектуально одаренный ребенок вкладывает свое время и силы в овладение какой-нибудь абстрактной областью, например, математикой или шахматами, он рискует выпасть из социальных контактов. Одаренные дети адаптивны. Неадаптивны «ботаники», т.е. те из одаренных детей, кто вкладывает силы в абстрактную и отдаленную от жизни деятельность.

В исследовании, выполненном на Московском интеллектуальном марафоне, не тестировался социальный интеллект подростков, а лишь

проблемы, связанные с адаптацией. Однако представляется весьма правдоподобным аналогичный механизм в области социального интеллекта.

Наконец, еще одно предсказание структурно-динамической теории состоит в том, что показатели социального интеллекта должны быть связаны с личностными особенностями людей. Представим себе двух человек, одного, крайне склонного, например, к чувству ревности, а другого — нет. Очевидно, тот, кто более склонен ревновать, будет чаще думать о ситуациях ревности и измены, перебирать ситуации, объясняться и т.д. В результате с позиции направляемого в разные сферы потенциала, его компетентность в этой сфере окажется иной, чем у человека неревнивого.

Представляется, что существующие на сегодняшний день эмпирические данные подтверждают это предсказание структурно-динамической теории. В противоположность общему интеллекту, не обнаруживающему значимых связей с личностными чертами, интеллект социальный такие связи обнаружил во многих исследованиях.

Итак, справедливость всех перечисленных выше предсказаний еще не может считаться подтвержденной, однако некоторые из них уже имеют солидное обоснование, а другие выглядят правдоподобно. Если же кратко определить с позиций структурно-динамической теории, от чего зависит уровень социального интеллекта личности, то ответ будет включать три пункта:

- от потенциала формирования, который проявляется также в уровне общего интеллекта;
- от личностных, в первую очередь эмоциональных, особенностей, в большей или меньшей степени привлекающих силы человека к общению с другими людьми и их познанию;
- от того, как сложился жизненный путь человек, пришлось ли ему направить свои силы на взаимодействие с другими людьми или на предметную работу.

Социальная одаренность

Важным моментом является различие социального интеллекта и социальной одаренности. Социальная одаренность — одаренность в сфере лидерства и социальных взаимодействий. Социальная одаренность приобретает очень разные формы. Лидерство в научной области отличается от лидерства военного, а лидерство в бизнесе — от эмоционального лидерства в компании. Индивидуальные стили лидерства также очень разнообразны. В истории человечества стиль лидерства претерпел серьезные изменения, и в современном мире более всего ценится демократический стиль, который позволяет совмещать твердость и волю в реализации

целей с гибкостью реагирования на мнения других участников ситуации. Хотя способность к лидерству — ключевой пункт социальной одаренности, все же последняя является более широким понятием. Социальные взаимодействия включают и ситуации, где лидерство не требуется, а необходимо, наоборот, умение соблюдать строгий паритет (как, например, при переговорах) или работать под чьим-либо руководством.

Социальная одаренность представляет собой сложный сплав когнитивных компонентов (общий академический интеллект, практический интеллект, социальный интеллект) и некогнитивных факторов (темперамент, личностные особенности, воля и т.д.).

Соотношение общего интеллекта с социальной одаренностью неоднозначно. Во многих случаях социальное лидерство должно сочетаться с предметным. Например, руководитель крупного научно-инженерного проекта, такого, как, например, проекта разработки космических спутников, должен быть одновременно научным и социальным лидером. Человек, обладающий самой большой академической одаренностью, но не способной организовать и мотивировать людей, не справится с подобной функцией. В то же время «голые» способности к социальному лидерству здесь тоже недостаточны.

В ряде других сфер соотношение роли социальных и предметных способностей меняется. Так, в ряде исследований показано, что успешность политика в США предполагает не максимальный интеллект, а оптимальный. Если интеллект слишком низок, это не позволяет достаточно эффективно разбираться в ситуации, принимать правильные решения. Однако если интеллект слишком высок, политический деятель рискует оказаться непонятым для группы, которой он руководит. Оптимальным для лидера, согласно этим исследованиям, является интеллект, превосходящий средний уровень руководимой группы, но не настолько, чтобы затруднить взаимопонимание.

Социальный интеллект, т.е. способность понимать других людей, их взаимоотношения и социальные ситуации, является очень существенным свойством в плане социальной одаренности. Социальный интеллект позволяет, точно оценив ситуацию и участвующих в ней людей, более адекватно выстроить стратегию поведения. Однако он далеко не исчерпывает социальную одаренность, поскольку социальное воздействие вовсе не сводится к познавательным способностям, а определяется личностными качествами человека, темпераментом, волей, даже дикцией и внешностью. В социальном воздействии многое определяется не пониманием, а стилем действия, следовательно, хотя роль способностей к познанию не мо-

жет игнорироваться, все же целиком свести к ним социальную одаренность невозможно.

Первостепенную роль в социальной одаренности играет личностная характеристика человека — способность к сопереживанию, оптимизм, высокая активность, экстраверсия, справедливость, способность к принятию решений в условиях неопределенности, независимость и вместе с тем ориентация на групповые ценности, воля как твердость в реализации намерений. Исследование эффективных руководителей показало, что они успешно умеют справляться с агрессией, инициативны, настойчивы, энергичны, гибки, обладают чувством юмора. Лидеру, ведущему людей за собой, необходимо быть также в ладу с самим собой, обладать цельностью и определенностью взглядов на мир, четко знать свои цели и приоритеты.

Можно ли развивать социальный интеллект?

Согласно структурно-динамической теории, уровень развития той или иной интеллектуальной функции зависит, кроме индивидуального потенциала, также и от того, сколько времени и труда вложено в ее развитие. Следовательно, интеллектуальные функции поддаются развитию. Как же соотнести это с убедительными данными о том, что многочисленные системы, призванные стимулировать общее интеллектуальное развитие детей, добились более чем скромных результатов? Ответом на этот вопрос служит принцип распределения потенциала. Да, мы можем развить ту или иную интеллектуальную функцию. Мы можем научить ребенка средних способностей блестяще решать, например, задания теста типа Равена. Однако, обучая субъекта решению одного типа задач, мы направляем туда его потенциал, отвлекая его из других областей. В результате общий уровень когнитивных способностей во всех областях оказывается достаточно независимым от применяемых развивающих методов.

В период появления в Москве первых частных школ в них существовала мода на дисциплины типа игры в шахматы, которые, по мнению инициаторов их введения, должны были развивать мышление, логику и т.д. Постепенно эта мода, однако, пропала, поскольку даже без специальных исследований стало ясно, что дополнительные дисциплины отвлекают время и силы от остальных, и их развивающий эффект нивелируется недополучением эффекта в других областях.

Социальный интеллект связан с содержанием, подобно интеллекту математическому или шахматному. В контексте сказанного не приходится сомневаться в возможности его развития. Более того, представляется, что особенности социального интеллекта делают его особенно

благодатным предметом для развития. Во-первых, круг ситуаций, составляющих предмет социального интеллекта существенно уже, чем круг ситуаций, находящихся в компетенции общего интеллекта. Социальный интеллект более завязан на конкретные знания, подобно, например, интеллекту математическому. Все это дает основание рассчитывать на то, что весьма обозримыми средствами можно достичь развивающего эффекта в этой сфере. Во-вторых, если общий интеллект в определенной степени тренируется академическими дисциплинами, составляющими предмет обучения в рамках среднего и высшего образования, то обучение социальному интеллекту происходит в нашей жизни имплицитно, через опыт общения. Можно предположить поэтому, что эксплицитное обучение социальному интеллекту может дать существенный эффект. Наконец, существует ясный смысл в развитии социального интеллекта. Если развивать шахматное мышление за счет какого-либо другого имеет смысл только в том случае, если планируется дальнейшая профессионализация в этом направлении, то социальный интеллект нужен любому — политику, ученому или домохозяйке. Социального интеллекта не может быть слишком много.

Литература

- Брушлинский А. В.* Мышление и прогнозирование. 1979.
- Винер Н. Я* — математик. 1967.
- Пономарев Я.А.* Психология творчества. 1976.
- Стернберг Р., Григоренко Е. А.* Учись думать творчески // Основные современные концепции творчества и одаренности / Под ред. Д.Б. Богоявленской. М.: Молодая гвардия, 1997.
- Тихомиров О. К.* Психология мышления. М.: Изд-во МГУ, 1984.
- Ушаков Д. В.* Мышление и интеллект // Психология XXI века / Под ред. В.Н. Дружинина. М.: Пер Сэ, 2003. С. 291 – 353.
- Ушаков Д. В.* Интеллект: структурно-динамическая теория. М.: Изд-во ИП РАН, 2003.
- Bower G. H.* Mood and memory // *American Psychologist*. 1981. V. 36. P. 129 – 148.
- Bower G. H.* How might emotions affect learning // S.-E. Christianson (Ed.) *The handbook of emotion and memory: Research and theory*. Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1992. P. 3 – 31.
- Berry D., Broadbent D.* Implicit learning in the control of complex systems // P. Frensch, J. Funke (Eds.). *Complex problem solving*. 1995. P. 131 – 150.
- Simon H.* Making management decisions: the role of intuition and emotion // *Academy of management executive*. 1987.